

Вэнь Син прекрасно понимала, что они попытаются использовать Юэ Лохэн как рычаг давления. Она не раз говорила самой себе, что не стоит слишком беспокоиться: в конце концов, есть Цин Жун и расставленные ею люди, которые всегда смогут обеспечить безопасность девушки.

Однако пальцы, непроизвольно сжавшиеся в кулаки, выдали её с головой. Она действительно дорожила Юэ Лохэн — так было всегда, в любые времена.

— Вэнь Син, я знаю, что Юэ Лохэн для тебя дороже всего на свете, — старейшина заметил её руки и облегченно выдохнул. — Ты, может, и смогла ускользнуть от клана Вэнь, но что насчет неё? Она сейчас в Цинфэнлоу, и если захочет сбежать, ей придется приложить немало усилий.

Старейшина был уверен, что держит Вэнь Син на коротком поводке. Как он и сказал, Юэ Лохэн теперь носит титул первой красавицы, её лицо запомнили бесчисленные отпрыски знатных семей столицы. Попытаться вывезти её из города незамеченной — задача из разряда невыполнимых.

Тем более, что для нынешней Вэнь Син было бы невысказано в одночасье бросить всё, чего она добилась в столице, и перечеркнуть свою репутацию.

— Даже если ты не думаешь о себе, подумай хотя бы о Юэ Лохэн, разве нет?

Эти слова попали в самую болезненную точку. Вэнь Син нахмурилась, вынужденная пока что смириться. Как только она полностью выкорчует остальные силы клана Вэнь, никто больше не посмеет так угрожать ни ей, ни Лохэн.

— Даже если вы расставили своих людей, я все равно буду уничтожать их одного за другим. Какой в этом смысл? — она подняла взгляд на старика и холодно усмехнулась. — Вы используете Лохэн, чтобы угрожать мне. Это работает один раз, но не всю жизнь.

— Этого достаточно, чтобы сработало сейчас, — старейшина посмотрел в сторону двора. — Дам тебе совет: не думай, что за твои поступки никто не спросит. Если загнать человека в угол, он способен на непоправимое.

Вэнь Син прекрасно понимала, что он намекает на её недавние действия. Желая поскорее избавиться от старых сил клана, она стала действовать всё более дерзко, и сегодняшнее убийство Хань Юэ — тому лучшее подтверждение.

Пусть её и пытались запугать, она не считала, что совершила ошибку. Она могла терпеть давление клана, могла не обращать внимания на многое, но если позволить им продолжать в том же духе, ничего хорошего ни её, ни Лохэн не ждет.

Она ничего не ответила старейшине, медленно поднялась и молча вышла.

Видя такое неуважение, третий старейшина вновь вспыхнул от ярости.

— Старший брат, посмотри на неё! Теперь она совсем потеряла страх и попирает старших, а в итоге еще и смеет обвинять Хань Юэ, — он сердито пыхтел, расправляя усы. — Она настолько потеряла голову, что сегодня посмела убить Хань Юэ, а завтра, глядишь, и нас с тобой уберет.

— Замолчи, — оборвал его первый старейшина.

Он прекрасно понимал, что слова младшего не лишены смысла. Пусть сказано грубо, но ситуация выходит из-под контроля, и удержать Вэнь Син теперь куда сложнее, чем раньше.

Он повернулся ко второму старейшине и приказал глухим голосом:

— Поставь побольше людей в Цинфэнлоу, чтобы следили за Юэ Лохэн. Даже если Вэнь Син решит её спасти, она должна наткнуться на стену.

Второй старейшина бросил взгляд на третьего и кивнул.

— А тот секретный яд... — он замялся. — Может, подмешать его Юэ Лохэн, чтобы у нас было больше рычагов давления?

— Используй. Пусть и она, и Вэнь Син хлебнут горя, чтобы та не возомнила, будто может в одиночку взбаламутить воду в этой столице.

У первого старейшины не осталось ни капли милосердия. Он позволил второму отправить секретный яд клана Вэнь на стол Юэ Лохэн, надеясь, что так сможет крепче держать обеих в своих руках.

После ухода Вэнь Син Юэ Лохэн чувствовала себя так, словно из неё вытянули все силы. Она была не в состоянии чем-либо заниматься и в тот вечер впервые не вышла к гостям, оставшись в своей комнате отдыхать.

Вспоминая свое поведение, она презирала саму себя больше, чем кто-либо другой. Она ведь была готова забыть о трагедии семьи Юэ, но при этом продолжала цепляться за свою гордость благородной девицы. Она всегда была такой — до крайности противоречивой.

— Госпожа, тетушка Цин Жун передала, что вам не нужно показываться на людях пару дней, достаточно просто дождаться госпожу Вэнь, — опустив глаза, прошептала Цзы Юй.

— Я поняла. Ты сегодня тоже устала, иди отдохни.

Юэ Лохэн посмотрела на свое отражение в медном зеркале и медленно начала вынимать украшения из волос. Цзы Юй хотела помочь, но она остановила её взглядом. Девушке не оставалось ничего, кроме как стоять в стороне.

— Я же сказала, не нужно за мной ходить, иди отдыхать, — тихо вздохнула Юэ Лохэн. — Раз уж тетушка Цин Жун пожалела меня и разрешила передохнуть, я не стану себя мучить.

Цзы Юй всё еще беспокоилась, не решаясь уйти:

— Служанка просто переживает...

— Всё хорошо, не о чем волноваться. Раз уж я удостоилась внимания госпожи Вэнь, то знаю, как себя вести, чтобы другие не нашли повода для сплетен.

Даже противясь такой жизни, Юэ Лохэн понимала: только опираясь на расположение госпожи Вэнь, она сможет выжить в Цинфэнлоу. Она должна выжить, она должна забрать с собой Цзы Юй, она не имеет права забыть о том, что случилось с её семьей.

Цзы Юй в конце концов послушалась и ушла. Юэ Лохэн легла на кровать и медленно закрыла глаза. Перед её мысленным взором снова пронеслись события дня. Она и представить не могла, что когда-нибудь превратится в нежную повилику, цепляющуюся за чужую жизнь, и будет заниматься подобным постыдным делом.

Возможно, от жалости к самой себе, проснувшись, Юэ Лохэн обнаружила на подушке следы слез. Посмеявшись над собственной наивностью, она позволила Цзы Юй помочь ей сесть за туалетный столик и начала приводить себя в порядок.

В это время принесли утреннюю трапезу. Она обернулась, взглянула на изысканные блюда, но аппетита не было совсем.

— Цзы Юй, пусть унесут всё это. Я не хочу есть, — сказала она безжизненным голосом. — Или отдай другим девушкам, если кто-то хочет, пусть забирают.

— Госпожа, нужно хоть немного поесть, — попыталась убедить её Цзы Юй.

Юэ Лохэн снова посмотрела на роскошные кушанья, но, не почувствовав даже капли голода, велела убрать их.

В этот момент в комнате появилась Цин Юй. Увидев еду на столе и вспомнив, что она сама ела сегодня утром, та вскипела от ярости. Она с силой опрокинула стол и насмешливо бросила:

— И ты считаешь, что достойна это есть? Лохэн, ты становишься всё наглее.

— Ты зря так думаешь. Я не решаю, что мне приносят слуги, — Юэ Лохэн обернулась, встречаясь с её холодным взглядом. — К тому же, я никогда не была той, кто сам выпрашивает блага, ты должна это знать.

— Неважно, знаю я или нет, ты должна понимать: это Цинфэнлоу, а не твой личный дом.

Цин Юй замахнулась, намереваясь дать ей пощечину, но Юэ Лохэн крепко перехватила её запястье. Лицо её стало суровым.

— Цин Юй, не переходи границы.

Цин Юй долго вырывалась, прежде чем смогла освободить руку.

— Я перехожу границы? Это ты, Лохэн, бесцеремонно влезла сюда и забрала всё, что принадлежало мне, а теперь обвиняешь меня?

— Цин Юй! — вовремя подоспевшая Цин Жун прервала её. — Я же говорила тебе, ты забыла мои слова?!

<http://bllate.org/book/21729/2245603>